

АНДРЕЙ
ФИЛИМОНОВ

ПЛЯС
НИГДЕ

АНДРЕЙ
ФИЛИМОНОВ

ПЛЯС
НИГДЕ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф53

Художественное оформление АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Филимонов, Андрей Викторович.

Ф53 Пляс Нигде. Головастик и святые : романы / Андрей Филимонов. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 411, [5] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-135594-4

Андрей Филимонов — прозаик, поэт, журналист, автор романа “Рецепты сотворения мира” и сборника рассказов “Выхожу 1 ја на дорогу”, финалист премий “Большая книга”, “Национальный бестселлер” и “НОС”.

Новая книга “Пляс Нигде” — магический роман-странствие, где всякая точка на карте становится поводом для увлекательного рассказа, а любая попытка автора написать текст оборачивается приключением.

Герой проходит через мистические опыты в горах Алтая на “Озере горных духов” и встречает “головастиков и святых” в деревне Аскат на Чуйском тракте, танцует “горизонтальный танец” со специалисткой по шамбале в Риге, пишет “энциклопедию ветра” и перелезает на чужой балкон в Париже, спрашивает дорогу к винно-водочному ларьку у сутенёров в Гарлеме и снимает документальный фильм в домике Хэмингуэя на границе с Канадой... А разговор со случайным попутчиком на автостопе приводит к грандиозному проекту: в 1978 году американский фотограф Натан Фарб отснял в Новосибирске пять тысяч портретов и нелегально вывез плёнки в США — и спустя сорок лет герой везёт Фарба в Новосибирск, чтобы найти тех людей и заново их сфотографировать.

В книгу также вошёл роман “Головастик и святые”.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135594-4

- © Филимонов А.В. (текст)
- © Бондаренко А.Л. (оформление)
- © ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Пляс Нигде

7

Головастик и святые

Часть первая

231

Часть последняя

276

И второе пришествие

369

Пляс Нигде

Посвящается Тане

В середине самой возвышенной скорби
он вдруг зачинал смеяться
самым простонароднейшим образом.

ФЁДОР ДОСТОВЕВСКИЙ. “Бесы”

Морозным мартовским утром 1898 года выдающийся русский художник, профессор и академик Иван Иванович Шишкин скончался в своей мастерской в Петербурге внезапно и почти незаметно для самого себя, от сердечного приступа, сжимая в пальцах уголёк для рисования.

Падающее с табурета тело Ивана Ивановича подхватил на руки его ученик, в то утро работавший рядом с учителем, талантливый туземец из Сибири по имени Григорий Гуркин.

Говорят, между ними что-то вспыхнуло в тот момент, вроде молнии изо рта в рот, словно мастер с последним вздохом передал молодому человеку тайну пейзажной живописи.

28-летний Гуркин всего год как перебрался в столицу из небытия (с точки зрения петербуржца, жизнь в провинции равна нулю), со своего дикого Алтая, где священники поливали язычников святой водой и нарекали русскими именами.

Прошедших таинство крещения обучали грамоте и письму. Наиболее сообразительных оставляли на службе в православной миссии — переводчиками и учителями.

Григорий рано проявил талант к рисованию невидимого; особенно хорошо у него получалось седьмое небо и ангелы с красивыми крыльями (как у орлов, сидящих

в степи по трое). За несколько лет юноша так набил руку в изображении горного мира, что стал чуть ли не первым иконописцем среди алтайцев.

Свежий, но каноничный стиль его письма одобрил лично отец Макарий, епископ Томский и митрополит Алтайский, посетивший однажды село Улала, где располагалась миссия.

“О-ла-ла!” — воскликнул он, посмотрев на иконы, приблизил к себе чудесного отрока и благословил пастырским лобзанием.

Однако второго Рублёва из молодого человека не вышло. Карьера не задалась по причине конфликта с духовным отцом, запретившим художнику рисовать алтайских богов — “поганных идолов, буде он святые лики малюет”. Взбешённый требованием отречься от собственного народа, как от заблуждения, Гуркин посылает батюшку к чёрту, одалживает деньги у атеистов из Томска и едет в Петербург, чтобы лично Шишкину предъявить свои работы.

Это свидание переменяло жизнь обоих. Столичного мастера так пробрало от рисунков алтайца, что он зачислил сибирского ходока в свои ученики и с тех пор принимал в нём большое участие, как тогда выражались.

Григорий стал визитировать Ивана Ивановича регулярно. Уроки, которые Шишкин давал у себя на квартире, не измерялись в скучных академических часах, — это были часы восторженного труда и взаимного обогащения. Старший художник обучал младшего искусным приёмам, каких не узнаешь на лекции. Ученик в ответ окрылял мэтра своей непосредственностью.

На прощание они целовались. Сентиментальный обычай целомудренных джентльменов XIX века. Платоническая любовь, под гипнозом которой Шишкин разрешил Гуркину нарисовать на своей уже законченной кар-

тине “Корабельная роща” маленькую жёлтую бабочку. Вот она, в самом низу, над ручьём, распустила крылышки, словно золотая капля, упавшая с вершины Алтая в традиционный шишкинский лес.

Современники вспоминали, что зимой 1898 года Иван Иванович был как-то по-юношески оживлён, что он давно — может быть, с самой молодости, — не бывал в таком добродушном и весёлом настроении, как в эти последние месяцы жизни. Всё его радовало, и после ухода Григория он подолгу сидел над рисунками, на два голоса разговаривая с воображаемым татаринцем Ахметкой, старинным alter ego Иван Ивановича, которому никогда не нравились работы Шишкина.

— Всякий ерюнда рисуешь, художник-художник! Переспективь у тебя киде? Нету переспективь! — прищуривался он, изображая акцент, а затем выпучивал глаза и отвечал драматическим басом:

— Дурак ты, Ахметка, ничего не понимаешь в живописи, бритая башка!

Дворник-гастарбайтер, настоящий казанский татарин в драном халате, сгребавший снег под окном, мелко дрожал от страха и доносил полицмейстеру, что в барина из бельэтажа вселился шайтан.

Домашние художника так привыкли к этим спиритическим сеансам, что ничуть не пугались явления Ахметки и даже очень радовались приподнятому настроению Ивана Ивановича.

За любимого ученика Шишкин всячески хлопотал и критикам советовал обратить внимание на его экстравагантные сюжеты. Особенно выделял работу “Камлание, или Ночь жертвы”, где шаман с бубном танцует у костра на лесной поляне. Для бывшего иконописца “Камлание”